

ЛЕВ
ЛЮБЧЕНКО

5/11

Дорога в
хороший
день

Лев
Любченко

ДОРОГА
в хороший
день

Сухуми — 1965

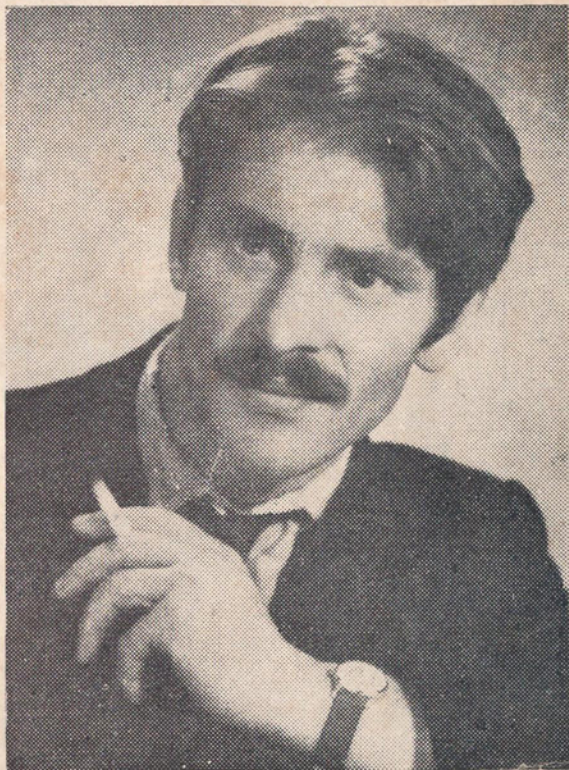
Первые стихи Льва Любченко были опубликованы в 1956 году. В 1960 г. вышел его первый сборник «Люди и море».

«Дорога в хороший день» — второй сборник лирики поэта, в который вошли неопубликованные стихи и поэмы разных лет. Центральное место занимают в нем поэмы «Дорога в хороший день» и «Суд времени».

Поэзия Льва Любченко затрагивает сложные вопросы человеческих отношений и направлена против идеалов и принципов, чуждых нашему времени.

Издательство «Алашара»

СТИХИ

СТОРОЖ

Какая ночь!?... Её никто не видит,
А мне по должности дается вдоволь звёзд.
И на судьбу я вовсе не в обиде:
Мой труд хорош, мечтателен и прост.

Пусть многие заделались чинушами...
Ты не ропщи, не сетуй, не тужи:
Бывают сторожа с большими душами,
А есть большие люди — без души.

* * *

Листья падают...

Листья падают...

За решеткою, за оградой...

Лихорадочно, беспорядочно.

Красота! — Красота загадочна!

Листья эти не раз зелёными

Преодо мною шумели кронами,

Только взгляд торопился мимо

И не листьев искал — прохожих.

Нежной зелени был дороже

Голубой сарафан любимой...

А нынче падают.

Всюду падают,

Тихо падают,

Нет возврата им.

В буйной юности не примечены.

Скромной песнею не привечены.

Справедливо ли, нет ли это!
Только так оно получается:
Листья кленов и стих поэта
Только осенью замечаются.
Только в осени...

Только в старости.
В дни раздумия и усталости.
В жизни разные будут полосы:
Мудрость будет... Седые волосы!
А людей седина не радует...
Грустно на сердце...

Листья падают.

ОДИНОЧЕСТВО

Тяжело без людей! — Одиноко...
Как будто идёшь
по равнине, луной освещенной:
Всё блекло и бледно
в пустыне холодной, бездонной,
А всё, что живое —
оно бесконечно далеко.

И воздух тяжёл
будто дышишь самую тоскою.
Вдохнешь, и она тебе
на сердце тяжестью ляжет.
Пустыня — пустыня!..
никто сюда носа не кажет!
Хоть птица б ночная
взмахнула крылом над тобою.
Верблюд впереди себя
видит другого верблюда,

А сам впереди,
значит, знает — товарищи следом.
А ты вот идёшь
и ни друга с тобой, ни соседа.
Откуда им взяться
в глуши этой постной?... Откуда?!
Друзья твои прежние
бродят по белому свету
Неведомо где:
их дороги в миру затерялись,
А новые? — Что же,
конечно, они отыскились!
Но их, как на горе,
в минуту тяжёлую нету.
Но ты увидал
под луной человека другого.
Кто он?... Откуда?
Да это не всё ли равно.
Сошлись, поздоровались,
ты ему — он тебе слово,
И вот говорите,
как будто знакомы давно.
Достал папиросы,
а раньше забыл о них даже,

А новый знакомый твой
спичку любезно зажжёт.
И твой же табак тебе
стал ароматней и слаже:
Компания всё-таки!
— Рядом другой огонёк.

КАК ПОСТУПИТЬ?

Десяток шагов от угла до угла —
Десяток шагов, а за окнами мгла.

Дымок папиросный со светом столкнулся.
Из желтого синим клубок обернулся.

И меряют время часы на комодё,
И стрелок рассчитанный ход не заметен,
А парень по комнате ходит и ходит,
Как будто он тоже на сутки заведен.

Сгорит папироса — другую прикурит...
Нелегкая дума надбровие хмурит.

Он думает: «Надо скорее решиться!
Так что же? Стоять в стороне или
биться?»

В глазах у него председатель артели,
Рука сторублевые сжала билеты...

Дают ему взятку сообщники в деле,
Меняя и совесть и честь за монеты!
Их трое, мерзавцев, один принимает,
А двое дают, и никто не считает!

«Я видел!... Товарищи видели тоже,
Но что ж, отчего же их совесть не гложет?!
Они заявили, что их не касается,
Что глупые только с начальством тягаются!
А я, все равно, хоть в надежде на чудо,
Но с подлостью, с ложью мириться не буду!
Какой бы исход мне борьба не сулила,
Но правда есть правда!.. И, все-таки, сила!

А если за это прогонят с работы?..
Скажу все равно, не окончены счета!»

* * *

И вот пришел!... И вот в руке дрожит он,
Казенный отпечатанный листок!
Ох! Как ты мал, в сравнении с пережитым!
— Печать с гербом и так немного строк!

Вот: «За отсутствием состава
преступления!!!»

Короче говоря, отец не виноват!
За каждым словом целый мир волнения;
Да! Целый мир — лишений и утрат.

Ты столько лет не подавала вида!..
Отчаиваясь, верила — ждала!
Лишь на сердце великую обиду
Тяжелыми веригами несла.

И странным кажется, что больше нет
угрозы,

И не подслушивает речь твою сосед...
Ты держишь разрешение на слёзы,
А слёзы высохли!...

За девятнадцать лет!..

ПОЭМЫ

СУД ВРЕМЕНИ

Есть законы...

Их не уписали

В кодексы отдельными статьями.

Есть законы совести, морали,

Там, где прокурорами, судами

Для себя являемся мы сами...

Только заседание окончено.

Кое-кто еще остался в зале,

Кто-то утверждает озабоченно,

Что еще о чем-то не сказали...

Есть и те, которые молчали,

Слушали чужие выступления,

А теперь как будто пожелали

Вновь открыть законченные прения.

В них ли дело?... Горюшко-вояки...

Не к тому я начал свой рассказ,
Чтоб писать о тех, кто после драки
Кулаками машет напоказ.

Мой герой уже немолодой,
Говорится — средних лет мужчина.
По вискам, однако, чуть седой
И на лбу упрямая морщина,
И взгляд сосредоточенный и строгий:
— Вот, мол, надо выход мне найти!
Будто шел он по своей дороге
И неожиданно пропасть на пути:
Черная...

Разверзлась и дымитесь...
Поглядишь — захватывает дух,
И надо выбирать одно из двух:
Перепрыгнуть или воротиться.
Вот что было на лице угрюмом
Строгого на вид секретаря,
А такие думают не зря,
Не дают пути досужим думам.

Люди это видели — не льнули,
Ну, а посторонний, коль зайдет,
Ухмыльнется: Ясно ...Критикнули!
Да пускай с суждением подождет.

Это упрощенно, да и рано:
Он в работе шел, а не скользя
— Нужное число процентов плана,
Всё, как говорится, на мази.
Всё бы было очень хорошо:
Гладко, складно...

Если б угрызения
Ядовитый, горький корешок
Так не отравил бы настроения,
Все бы гладко, все бы складно. Да...
Только память...
Память иногда,
Как беда,

Без стука входит в дом,
Говорит со мной! За мной идем!
И идешь, как купленный бычок
В поводу, куда тебя ведут,
А начни упрямитесь — толчок,
Легкий, слабый, все же поддадут...

Час назад вот в этом самом зале,
Где мы выступали, заседали,
Он увидел женщину, с глазами —
Теми, чуть печальными, глазами,
Что глядели на него с укором,
Долго, прямо и с таким укором...

В них он был предателем и вором,
В тех глазах... отдал бы жизнь которым.

Шли года...

Ни время, ни забвение

Их не увели из поля зрения.

Шли года...

Глаза не угасали,

Только, может, уж не так сверкали,

А теперь, живыми вдруг предстали —

Час назад,

Вот в этом самом зале.

...Подошел шофер — веселый Коля:

— Ночевать задумали вы, что ли?!

Я уж даже и наверх ходил,

Думал, к креслу приросли к какому.

— Знаешь, брат...

Езжай-ка ты до дому...

Я пройдусь,

Хочу побыть один...

...Ночь.

Река.

Огни в крошечной темени.

Видел город.

Думал и курил...

То был суд —

Суд совести и времени.

То партиец сам себя судил.

Всех законов... нет,

Не уписали

В кодексы отдельными статьями.

Есть законы совести, морали,

Там, где прокурорами, судами

Для себя, являемся мы сами.

...Сколько лет?...

Не малый материал

Для романа, и ничуть не странно,

Что романа я не написал:

Молодость осталась без романа.

А начало было, да, конечно было.

Грузно опустились локти на перила.

Вот оно то место.

Этот мост и речка...,

Девичья головка

Темная, в колечках,

Стриженная, маленькая.

Ты со мною рядом,

Ты со мной и кажется

Ничего не надо.

Только губы, плечи,
Нежные объятия,
При движении шорох
Шерстяного платья.
Да глаза бы эти,
Искорки бы эти,
Ничего б не надо,
Кажется, на свете.
Ничего на свете...
Только, погодите:
Разомкнитесь губы,
Что-нибудь скажите!
...Голос у любимой
Низкий был и милый;
Будто не устами —
Сердцем говорила:
— Ну, довольно, милый мой,
Поцелуй и хватит.
Поглупели мы с тобой,
Это от объятий...
— Да, когда полюбишь,
Речь всегда глупеет.
Слово не угонится,
Слово не поспеет
За бегущим сердцем.

Чувства...

Ох, как мчатся!
И не то что слову —
Мысли не угнаться.
— Ну довольно...
Милый мой,
Ты ведь знаешь сам:
В жизни всё у нас с тобой
Как-то по часам.
Вот сейчас за угол,
И у нас в парадном,
Снова расставанье,
Будь оно неладно!
Окна...
Видишь окна,
Окна освещенные.
Может быть за окнами
Где-нибудь влюбленные.
Окна разноцветные,
Это абажуры,
Это у влюбленных
Разные натуры...
До чего же хочется
Своего окна!
Маленькая площадь бы,
Как она нужна.

Мы бы там наверно
Умненькими стали,
Мы бы вслух друг другу
Лекции читали.
А, может, не о технике,
Может, о Флобере...
Нет, не о Флобере —
— Лучше о Стендале.

Мы бы говорили,
И надежно двери
Нас от посторонних
Глаз с тобой скрывали,
Чтоб при поцелуе не оглядываться,
Радоваться!

Радоваться!

Радоваться...

Ты ведь тоже хочешь этого? — Еще бы!
Чушь... любовь найдет тебя
Всюду, где бы не был,
Можно даже, знаешь,
Под открытым небом!

.....
Это было только лишь начало,
А потом мечты мои сразмаха
Подхватила буря и умчала.

Все пошло, как говорится, прахом.
Прибежала в цех, затеребила.
Даже б я узнал ее едва ли,
Только счас мне мама позвонила,
— Моего отца арестовали...
Я так мало знал ее отца,
Но следил в газетах с интересом,
За одним, потом другим процессом,
А процессам не было конца.
Без врагов народа ни столбца,
И это не казалось темным лесом.

Гений, он события предвидит,
Ну, а смертный судит по газетам.
Я же не был гением, поймите,
Да и кто бы разобрался в этом.
И газетам я, конечно, верил.
Помню, день рабочий не кончался,
Наконец, гудок, и я у двери,
И сейчас же к ней домой помчался.
Не застал.
По улице ходил,
Точно так же думал и курил,
А какой ужасный вечер был.

Дали в багровом пожаре заката
И кажется — мир этим цветом напитан.
Пламенем небо и сердце объято,
Кровью и небо и сердце облито.
Кто эти женщины, кто эти двое?
В них узнаю ее мать и ее я.
Мимо прошли и меня не узнали.
Этого я и не принял в обиду.
Были они нагружены узлами
И тяжкими думами, судя по виду.

Значит, все правда. Усталые, бледные
Красною улицей двое шагали.
Листья опавшие хрусткие, медные
Шорохом резким шаги выдавали.
Повернулся, назад подался,
Этот шорох опять раздался:
Не листвою шаги хрустели,
А последним «Прощай!», «Прости!!»
С ней потом полторы недели
Не встречался. Скучал, грустил,
А потом увидались снова.
Вот, навстречу ко мне идет.
Не придумав ничего другого,
Будто бы здоровья у больного,
Спрашиваю, как она живет.

— одиноко, милый, страшновато,
А сама осунулась, бледна:
Мама в Симферополе у брата,
И у нас в квартире я одна.
Каждый угол, кажется, постыл,
Знаешь что, тебе бояться нечего,
Если ты еще не разлюбил,
То перебирайся нынче вечером.

— Подождем, ты знаешь... время
жесткое,

Знаешь, неуверенность в судьбе,
Послезавтра будет комсомольское,
И вопрос поставлен о тебе.
А она мне:
— Струсил! Оправдание?!
Ненавижу! Подлый! Уходи!
Коль в любви решился ждать собрания,
То меня уж никогда не жди!..
А потом я помню то собрание:
Я сидел, молчал, как изваяние;
Ни вздохнул, ни шевельнулась бровь.
И понес чиновник в наказание
В сердце одинокую любовь.

А перед ней несчастья целой серией
Встали, целой горною грядой,
А люди дружбу не весельем меряют,
Люди дружбу меряют бедой,
Люди дружбу меряют дорогами,
Недостатком пищи и воды.
Дальний путь всегда богат предложениями
Для начала дружбы и вражды...

Всех законов, нет, не уписали
В кодексы отдельными статьями.
Есть законы совести, морали,
Там, где прокурорами, судами
Для себя являемся мы сами!

.....
Мир не опрокинется, не сдвинется,
Если я сейчас пойду в гостиницу.
А для чего? Для самобичевания?
Или же потомкам в назидание?
Те-то будут поумнее люди,
Объективней нашего рассудят.
Скажут: «Глупо даже и заботиться,
Времечко такое не воротится,
То, что было, этого не будет».

.....

Папироска пшикнула — вонзилась
В темноту невидимой реки.
На мосту фигура распрямилась,
От перил чугунных отделилась
И первые несмелые шаги
Будто бы спросили неуверенно:
Может быть, еще не все потеряно?

1957 г.

ДОРОГА В ХОРОШИЙ ДЕНЬ.

Фазиль! Дружище!...
Есть меня скучища,
А ты, старик, женился и удрал.
Небось в столице дел у тебя тыща:
Издательство, газета и журнал...
Да, да, я представляю, как ты рыщешь,
А я тут перевел и написал,
Да некому читать, а ты в Союзе
Горланишь стих, я знаю — ты каков.
Тебе в отместку я о кукурузе
Нащелкаю десятка два стихов.
Твои стихи о ней кому-то нравятся,
Но мы, старик, чертовски далеки...
Твоя «золотозубая красавица»
Мне в душу сыплет пригоршни тоски.

Из прошлого ползут воспоминания,
Как черные, мазутные ручьи...
Они, пожалуй, стоят описания.
Вот я и говорю себе:

Начни!

И начинаю:
Год сорок второй.
Война.
Мне от роду всего двенадцать было.
Веленьем брюха собственного в строй
Я встал почетным тружеником тыла.
Мне выдали паяк, на восемьсот,
И мисочку фасолевого баланды,
(Одна фасолинка — другой приветик шлет
И масло постное блестит, для пропаганды).
А на второе полагалась сельдь,
А иногда — яйцо, как исключение.
И я терпел великие мучения,
Чтоб это исключение не съесть.
Что делал с ним? —
— Тащил его домой,
Чтоб съесть не одному,
А съесть с семьей.
Хотя семья — мамаша да и я,
Но все-таки семья —
она моя!

Ты скажешь: Что, мол, тут о кукурузе?
Ужасно безалаберный поэт!
Мол, надо, чтобы в точку бил сюжет:
Бубух кием — и нужный шарик в лузе.
— Немного безалаберный, наверно?
Но я же ведь поэт, а не игрок,
А у сюжета тысяча дорог.
Мне кажется, что я иду по верной.
Чаяк хлебаю, вспоминаю,
Как опыт в жизни обретал.
Вот насыпь — длинная, прямая,
Еще без рельсов и без шпал.
Лишь колышки набиты строго
По невелирному глазку.
Такой, старик, была дорога,
Которой ты катил в Москву.
Я шел по ней...

Ведро мазута,
Притяжеленное волок,
Голодный, рваный и разутый,
А встать мне было невдомек.
Хоть пацаном я был, но видел,
Как все напряжено вокруг.
Я видел сотни... Тыщи рук
В их самом затрапезном виде.
Тут строили не что-нибудь,

Не павильон для винопитий,
Тогда прокладывали путь
— Путь исторических событий.
Отвоевавшие солдаты,
Нестроевые старики
Свои блестящие лопаты
Вонзали в землю, как штыки,
И заносили, как приклады,
Над глыбой каменной кирки.
Дробили,

Били,
Колупали...

Земля, как враг,
Своя земля!
Скажи теперь, что здесь копали.
Нет...

Черта с два!
Тут воевали!

За всех готов ответить я.
А я ведро таскал. И что же.
Могу признаться, что с трудом
Хотя, конечно, тем ведром
Немецкий танк не уничтожил,
Но капли моего труда,
Подростка шупленькая сила,
В какой-то степени тогда

Кому-то морду тоже била.
Я рад. Но главное не в том.
А супчик!

Супчик из фасоли.
И как я супом тем фасонил,
Идя с работы с котелком.
Мальчишкам встречным непременно
Кулак я ставил напоказ:
(На кулачке припухли вены)
— Гляди-ка брат!

Рабочий класс!
А первая моя зарплата?...
Пожалуй, тут отдельный стих.
Представь: мальчишка весь в заплатах,
В пилотке, с дяденьки-солдата,
Пришел в контору, встал как надо,
В живую очередь больших.
Большие, нет, не хохотали
Они в ту пору надо мной.
Глядели женщины — вздыхали,
Мужчины ласково трепали
И только иногда роняли:
— Вот так, наверно, где-то мой?
— Видать по семьям тосковали.
Видать мечталось им домой.
Проронит кто-нибудь такое,

И тут же, вроде как смущен:
Мальчонка лаской не польщен,
Хотел одно, сказал другое,
И бородач меняет тон:

— Ну, что, браток?!

Закурим, что ли?

— Не куришь? — Вот и хорошо...
А я курю...

В отца пошел.
Отец дымил еще поболее...
А все такое ни к чему.
Война окончится, я тоже,
Как только женушку прижму,
Кресало и кисет заброшу.
Вот это разговор по мне:
Я чувствую себя мужчиной,
Хоть рядом с таким детиной,
Обросшим рыжею щетиной,
Признаться, как-то не вполне.
С ним подхожу к окошку кассы
На цыпочки, и так, и сяк.
Ух, черт!
Не достаю никак...
Хоть плачь
Но плачут только плаксы.
А я же — будущий моряк.

Спасибо, бородач-рабочий
Слегка за локотки поднял.
Кассир скосился на меня,
Спросил:

— Тебе кого, сыночек?..

— Во-первых, я вам не сыночек!

И мой папаша не кассир.

Я тут рабочий... между прочим...

Любого, каждого спроси.

Получку мне за пол-апреля...

— Кассир ухмылку прячет в ус,

Глаза от смеха, то ли с хмеля —

Блестят.

— Минутку... разберусь.

Есть Любченко!

Мужик законный!..

Вот на заем вас подпишу...

Потом вношу в фонд обороны,

На танковые на колонны,

На истребители вношу!..

И... Распишитесь.

М-да...

Порядок.

Он, помню, палец послунил

И восемь красненьких тридцаток

Мне доверительно вручил.

Пересчитавши дважды сумму,
Я позабыл про свой фасон,
За пазуху тридцатки сунул
И полетел из кассы вон.
Не шел и не бежал — летел!
Остановился, спохватился,
И в страхе за живот схватился.
Потом нащупал,

повертел

Свои бумажки,

Убедился —

— Целы!

И тут я зашагал.

Как гладиатор на арену,

А может, дирижер на сцену.

Еще бы, брат, теперь узнал

Своим трудам, себе я цену.

Моя фигурка в этот миг

Как будто стала больше весом.

Моя походка — вот где шик.

Как будто я был хлеботоргом,

А может, хлеботоргу брат,

Но, в общем я!

Я был богат!

Мальчишек нет, запропастились,

А жалко, вот бы подивились.

Навстречу девушки мне...
Браво!
Я мимо них!
Я морщу нос!
Потом моргаю им лукаво,
Как друг — контуженый матрос.
Потом базар...
Базар военный.
Скорее то был пункт обменный,
Где очень мало продавали,
Зато с охотою меняли.
Меняли шило там на мыло,
А соль меняли на фасоль,
А скипидар на канифоль.
Смешно, но так оно и было.
Валютою была мука.
На вес муки из кукурузы
Ценилось все: шелка, меха,
Кальсоны, пиджаки и блузы.
И всё мука,
Кругом мука...
Вон там, толкают старика:
— Почем, папаша, сапоги?
— Дешевка! Три кило муки,
А тут торгуются у сала:
— Давай, красotka, уступай!

— Проваливай, да цену знай!
Мука вчера подорожала.
Я подошел к мешку с мукою,
Намним мужик, что финансист,
С ухмылкой наглою, кривою.
Ни дать, ни взять — капиталист.

— Почем мука?
— Килё сто двадцать.
— Давай за сто!
— Пошел ты вон!
Он с кем-то начал торговаться,
Менять муку на патефон.
А я стоял,
Переминался...
Потом достал свой капитал,
В последний раз залюбовался:
По три червонца...

Хороши!
Да брюхо?.. С брюхом нету слада.
Рабочему питаться надо:
Отдай получку!
Не грехи!
Эх, ладно!
Бязевый мешочек
Я на весы швыряю зло.
Эй!

Черт с тобой!
Промежду прочим,
Давай-ка, свешай два кило!
Он взвесил, за деньгами тянется,
Глаза блестят, ну прямо пьяница.
Конечно, деньги я отдал,
А он считает — издевается:
Откуда, — говорит, — украл?
Украл?
Ах!.. Гадина такая!..
Как плюнул я, и наутек.
Поверьте, до сих пор не знаю,
Достиг ли цели мой плевок.
Бежал среди менял-торговок,
Лавировал среди кошелок.
А сзади крик,
А сзади мат!
И все же я удрал.
И рад
Я был тому, что не поймали.
Поджилки несколько дрожали,
Но я тащил муку домой!
Муку!
Не что-нибудь такое:
Валюту,
чудо золотое!

И мешочек труд насыпан мой,
Нелегкий труд, за пол-апреля.
От гордости,
Поверь, не лгу,
Аж кончики ушей горели,
Когда принес домой муку.
А дома пир!
Конечно пир.
О нем историки не скажут.
Чуть-чуть смердит дельфиний жир,
Которым сковородку мажут.
А на столе — чурек, чеснок,
И вместо чая кипяток;
И вместо сахара — рассказ
О сладкой жизни довоенной.
Моральный, так сказать, припас
Был материальному заменой.
И все же главное — чурек,
Румяный, с корочкой хрустящей,
Ну, словом, пир был настоящий;
Он мне запомнился навек.

Потом,
как члену профсоюза,
Мне выдали земли лоскут.

Вот тут-то:

Здравствуй, кукуруза!
И незнакомый сельский труд.
За кладбищем,
Турецким кладбищем,
За кипарисовой стеной,
Непаханым, зеленым вкладышем,
Людьми забытой целиной,
Никем не тронута веками,
Моя земля
Меня ждала
И ярко-желтыми цветками
Красиво,
солнечно цвела.

Я помню пахоты начало,
Как заскулил железный плуг.
Его заслышав прокричала
На кладбище ворона вдруг.
Кобыла серая усердно
Кивала мордой в такт шагам,
А я — кнутом, немилосердно,
Хлестал кобылу по бокам.
За плугом шла, пласты срезая,
Задумчиво, как Лев Толстой,

Надежда, девушка босая,
С тугой каштановой косой.
Без кофточки, без предрассудка.
Один цветастый лиф да юбка,
Поскольку тут мужского взгляда
Не встретишь, хоть и захоти,
А лиф девичью грудь, что надо,
Держал надежно взаперти.
И хоть мужчиной не считался,
Я все же ею любовался.
Когда кобыла шла под гору,
Я, перестав ее хлестать,
Всегда стремился приотстать,
Чтоб лишний раз окинуть взором
Ее спинку лютую сталь.
Потом мы воду пили жадно,
Струился пот ее лицом,
Она казалась мне прохладной,
И пахла свежим огурцом.
Она мне волосы взъерошила
И обозвала дурачком.
И столько теплого, хорошего
Расслаивал я в прозванье том.
Теперь представь:
Веру газету,
Читаю,

Интереса нету.
Там пишут про пары, про зябь,
А я в делах таких невежда,
Сквозной профан, ни дать — ни взять.
И вдруг!

Глаза на лоб:
Надежда!
Надька, вот те раз!..
Известная всему Союзу
В Полтавской области сейчас
Успешно сеет кукурузу
И обязательство берет
(Не помню с зяби или пара)
А цифру помню, уберет
Сто сорок центнеров с гектара.
Ага, старик!
Ну, чем не стих?
Стихам, брат, кукурузы мало:
Нужны и колбаса, и сало,
И труженик-передовик.
Но, в общем, это отступление,
Вернусь к посеву своему.
Итак, однажды в воскресенье,
Мы с мамой подошли к нему.
Зазеленела наша нива,
Плоды забот, плоды труда.

Сказала мама: «Как красиво!»
И я сказал: «Что да — то да!»
Но, все-таки, не без конфуза:
Все зелено, и черта с два,
Понятно, что тут кукуруза,
А что непущая трава?
Я все же стал ее прореживать:
Одну срублю, другой — живи!
И к стебельку песочку свежего
Ей подсыпая, в знак любви.
Гляжу, на горку поднимается
Абхаз, почтенный старичок.
На палочку не опирается,
Несет подмышкой посошок.
Усы торчком,
Бородка каннишком,
В отменном рыжем башлыке,
Поет он вроде бы дубинушку,
Но на абхазском языке.
Шел, шел,
Потом остановился
И на труды мои возарился.
Н огаядеа его украдкой,
Степенный, крепкий старина.
Книжана с блестящей рукояткой,
Напомина, что идет война.

Я верил искренне художникам,
Что Геринг, во, какая плоть!
И думал: вот бы этим ножиком,
Насквозь фашиста проколоть.
А он, тот живописный дядя,
Стоял и на меня глядел,
Как добродушный тесть на зятя,
Когда зятек чуть окосел.
С чего бы? — Я соображаю:
Наверно, медленно цапаю,
Ну, что ж. Гляди коли охота!
(Я ускоряю темп труда).
Гляди дедок!
Моя работа!
Дивись, седая борода!
Я землю бил самозабвенно:
Громил,
рубил,
крошил,
крушал!
Похож на новичка-спортсмена,
Что в состязании поплыл.
Тут говорят:
На рубль движений
И на копейку достижений.
Осекся вдруг и оглянулся —

Дед придержал за локоток.
Кивнул,

мигнул

и улыбнулся.

Сказал:

— Совсем не так, сынок.

Мотыгу взял и срезал начисто

Ростки, какие я берег.

Мой труд — тю-тю!..

Плачевно качество:

Один несчастный стебелек

На бурой лысыне остался,

Зеленым перышком торчал.

Старик лукаво улыбался,

А я сконфуженно молчал.

Старик сорвал две ярких зелени

И в носу моему поднес:

— Вот эта, — говорит, — для семени,

А эта — травка на покос.

Потом мотыгу взял он снова,

Прошелся не спеша рядком,

Разбил, разрыхлил каждый ком

И объяснил мне все толково.

Связал! Вот так работай, друг.

— Счастливо, дедушка!

— Спасибо!

Кабы советом не спасли бы,
Не поле было бы, а луг.
Я тоже стал цапать рядками,
Я поумнел, насколько мог.
И сам уже, как педагог,
Преподаю ученой маме
Политехнический урок:
— Черчениям, да рисованиям
Теперь цена, как видишь, грош.
С гуманитарным воспитанием
В такие дни не проживешь.
Ее в художественной школе
Лепить учили, рисовать,
А в школе жизни, здесь на поле —
Цапать, мозоли набивать.
Как это трудно ей, представил
И прокляв тягостные дни,
Я лекцию свою отставил,
Сказал: «Иди-ка отдохни».
«Вон отдых», — усмехнулась мама,
Махнув на кладбище рукой.
А там
Покой, еще какой!
Но все же лучше жизнь, чем яма.
На кладбище красиво щелкала
Разноголосые дрозды.

За кипарисами-метелками
Они не чуяли беды,
И полумесяц над могилой
Дуженый выставил рожок,
Воспоминания разжег.
И вспомнил то, что в детстве было:
И вспомнил елку,
Новый год...
Среди игрушечных нелепиц
Висел такой же полумесяц,
Но у того был нос и рот,
А этот выглядит угрюмо.
Глядел я на него и думал:
Вот полумесяцы и время
С надеждой на восток глядят,
Пожалуй, тут с людьми со всеми
У них нашелся общий взгляд.
Да, полумесяцы и время
В войну глядели на восток,
Как будто бы с людьми со всеми
У мусульман единый бог.
Что давшие?
Осень золотая.
А почему такая?
Знай!
За неимением сарая,

Весь кукурузный урожай
В жилую комнату мы вносим,
Поскольку знаем, что почем.
В квартире «золотая осень»,
А Левитан тут непричем.
Он, правда, как и я, бывало,
Порою крепко голодал,
Березки, елочки писал,
А жизнь его не баловала.
Другой табак — живи сейчас.
Писал, как мы бы кукурузу,
Поскольку это соцзаказ,
И жизнь была бы не в обузу.

Но я вернусь к рассказу снова:
Сентябрь, октябрь сорок второго.
Быть или нет?
Вопрос короткий,
Все круче ставит на ребро,
Неутешительные сводки
Советского Информбюро.
И без ответов на вопросы
В ночь,
В море,
На великий риск
Идут десантники-матросы

Обратно брать Новороссийск.
Соседи все, боясь бомбежки,
Разъехались по деревням.
Сирены выли,

выли кошки,
По заколоченным домам.
В горах, чуть слышными хлопками,
Который месяц бой идет,
Зенитки белыми плевками
Оплеывают самолет.
И это длилось.
Долго длилось.
Потом победа!
Сталинград!
И все как есть, переменилось,
Как говорят, пошло на лад.
Картинка к этому нужна ли?
Желательно?
Тогда изволь:
В тупик пустой вагон загнали,
В его щелях застряла соль.
Она была добыта Шуркой,
А Шурка был «военной шуткой»
Он был на год меня моложе,
Но очень много в жизни прожил.
Он все увидел в этом мире,

Он потерял сестру и мать,
Успел из самой из Сибири
Из дома детского удрать.
Ничей,
Бездомный,
Беспризорный
В пустых вагонах ночевал
Не мальчик, а галчонок черный,
Клевал, что бог ему давал.
У нас рабочий день кончался,
Мы расходились по домам,
Но этот Шурка вдруг примчался:
— Я соль нашел!
— Напополам!
Мы подмели, не надо лучше,
вагон

И, напрягая грудь,
Попеременно стали дуть
На основание сорной кучи.
Раздули сор —
Под сором —
соль.

Ее мы бережно собрали
И взяли щели под контроль,

В них самородки застревали.
Мы выковыривали их,
Большими ржавыми гвоздями.
И вдруг...
Настал желанный миг:
Гудок раздался над путями,
Шипя, сопя, влетел на станцию
Зеленый бронепаровоз!
Дорогу сдали в эксплуатацию.
Начнется грузов перевоз!
Винтились мысли с перекосом:
Забыли соль и свой вагон,
Когда за бронепаровозом
Пошел военный эшелон.
И Шурка вдруг мне заявляет,
Что он всю соль мне отдает,
А сам на запад уезжает,
Как только поезд подойдет.
Дела, братишка, на победу,
Ты тут солись себе один,
А я на день в Ростов заеду
И двину дальше...
На Берлин!
Он побежал с вагоном рядом,
Подножку низкою догнал,

Подпрыгнул,

влез

и замахал...

А я печальным долгим взглядом
Состав гремящий провожал.

Под горло ком подпер до боли,
Слезинки по щекам ползут,
Я стал сосать кристаллик соли,
Как дети леденцы сосут.

Мне тоже на войну хотелось.

Нельзя:

Работа и семья.

Вот тут-то мысль и завертелась,
Что ведь дорога-то моя!

Кати по ней, «Галчонок», смело

В Ростов и на Берлин потом,

А мне и тут хватает дела,

Я буду воевать трудом.

Дорога!..

Вот она...

Родная!

Две рельсы, словно две струны.

Дорога длинная, прямая,

В хороший день,

В конце войны.

Теперь ничто не шло назад тут,

Все только в сторону одну

Вперед!

Вперед!

Вперед на запад!

Кончать проклятую войну!

И я письмо кончаю, то есть,

Я начинал писать письмо,

И не заметил сам,

Как в повесть

Оно разъехалось само.

Биографическая повесть,

В ней жизнь моя, мой опыт в ней,

Писал ее, не беспокоясь,

О том, короче ли, длинней

Она должна быть.

И едва ли,

Короче путь опишешь свой,

К тому же коротко сказали

Об этом в книжке трудовой.

Постскриптум...

Критик написал рецензию.

Мне проку от нее, как от козла,

Таких бы критиков я посылал на пенсию,

Когда в статье ни щедрости, ни зла.

Ругать — ругай!

Хвалить — хвали!

Есть недостаток? — Обнаруживай!
 Но общей фразой не пыли,
 И не плети по-дамски, кружево!
 А то, как молод,
 Вам без хлопот
 Способность есть.
 Все впереди:
 Приобретайте в жизни опыт,
 Творите.
 Доброго пути!
 А я сгребу свой горький опыт,
 Да оптом критикам вручу,
 Чтоб молодость не смели хлопать,
 Так фамильярно по плечу.

1962 — 63 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Сторож	5
...Листья падают	6
Одиночество	8
Как поступить?	11
...И вот пришел!	13

Поэмы

Суд времени	17
Дорога в хороший день	30

Лев Николаи-иჭა
ლიუბჩენკო
Ажәәинраалақуеи апоемақуеи
(урысшәала)

ღვვ ხვტღმობ-მჟ
ლოუბჩენკო
ღვვებო და პოემებო
(გუსურ ენაზე)

Редактор *Л. Е. Аргун*
Художник *А. Е. Крайнюков*
Худож. редактор *П. Г. Цквитария*
Техн. редактор *М. Д. Хахмигери*
Корректоры: *Л. М. Мишашвили, Р. Б. Гилилова*

ЭИ01218. Подп. к печати 11.XII.1965 г. Форм. бум. 60x34¹/₈₂.

Печ. лист. 1,88. Уч.-изд. лист. 1,52, Зак. № 4377.

Тираж 800.

Цена 10к.

Издательство „Алашара“, Сухуми, Ленина, 9.

Сухумская типография № 7 им. Ленина Главполиграф-
прома Государственного комитета Совета Министров
Грузинской ССР по печати, Сухуми, ул. Ленине, 6.

Цена 10 к.